

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

О. Ю. Малинова

Общественное мнение и модели публичной политики

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Malinova_obsh_mn.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

О. Ю. Малинова

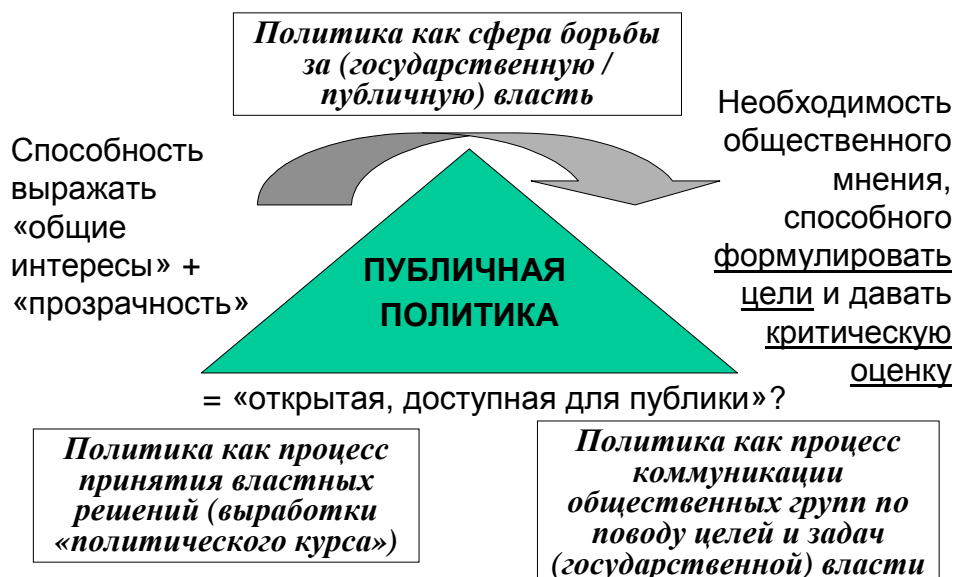
Общественное мнение и модели публичной политики

В нашем профессиональном сообществе пока нет единства взглядов относительно того, что такое публичная политика и как должны быть очерчены ее границы. И это, наверное, нормально, поскольку соответствующая практика едва начинает складываться. Думаю, что время для строгих определений еще не настало, поэтому попытаюсь в самом общем виде обрисовать контуры данного понятия. Как известно, понятие «политика» может иметь несколько базовых значений, обозначая а) сферу борьбы за власть, б) процесс принятия властных решений, в) процесс коммуникации общественных групп по поводу целей и задач государственной / публичной власти (см. рис. 1). Представляется, что «публичность» может быть характеристикой политики во всех трех указанных смыслах. Добавление прилагательного «публичная», по-видимому, должно указывать на такие свойства политики, как способность выражать «общие интересы», открытость, прозрачность для «публики». Таким образом, выражение «публичная политика» может означать а) борьбу за власть, которая ведется в рамках открытых и гласных процедур, с апелляцией к «общим интересам» и признанием ответственности власти перед обществом, б) процессы принятия властных решений, которые являются «прозрачными» и открытыми для участия заинтересованной части «публики», а также в) процесс коммуникации заинтересованных групп по поводу стратегических целей власти и конкретных властных решений. Очевидно, что во всех этих случаях качество «публичности» предполагает наличие «публики», т.е. сообщества

граждан, способных сознавать и согласовывать свои интересы, формулировать цели и давать критическую оценку действиям власти.

**Рис. 1. Контуры понятия «публичная политика»
(вместо определения)**

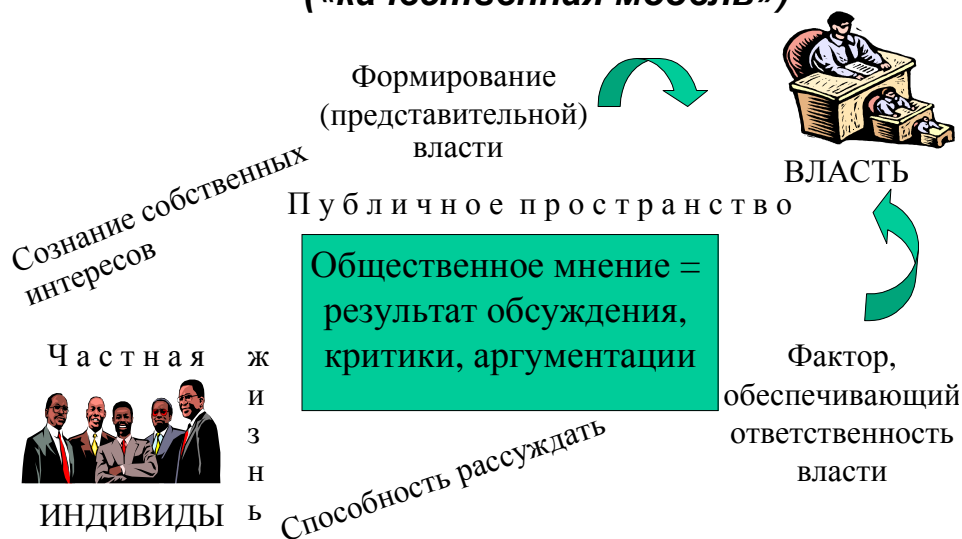

Проблема, однако, заключается в том, что современное публичное пространство по целому ряду параметров не соответствует моделям, составляющим основу традиционных представлений о демократии. Ностальгия по рациональному обсуждению политики, в котором побеждали те, чьи аргументы оказывались сильнее, характерна не только для российского, но и для западного демократического дискурса. Многие авторы отмечают, что в XX веке произошла существенная трансформация публичного пространства, следствием которой стало исчезновение общественного мнения в его «прежнем качестве».

Действительно, в основу нормативных представлений о функционировании демократических институтов (включая парламент, выборы, свободные СМИ и др.) легла либеральная модель публичного пространства, которая сложилась в конце XVIII - в XIX вв. и предполагала наличие того, что можно было бы назвать «качественным» общественным мнением. Согласно этой модели, общество состоит из индивидов, сознающих собственные интересы и способных рассуждать здраво. Публичная сфера мыслилась как «собрание» частных лиц, ведущих чинные дискуссии по вопросам, связанным с управлением

государством и регулированием гражданского общества. Предполагалось, что оппоненты отстаивают свои позиции, апеллируя к разуму и неким универсальным принципам. В ходе дискуссий кристаллизуются соперничающие представления о содержании «общественного интереса» и целях власти. Личное мнение становится общественным благодаря механизму свободных и равных дебатов, которые *в принципе* открыты для всех. Считалось, что власть вынуждена прислушиваться к общественному мнению, поскольку она зависит от воли избирателей. Таким образом, «качественное» общественное мнение было призвано выполнять двоякую задачу – формулировать общественно значимые интересы и давать критическую оценку действий власти, стимулируя ответственность последней перед обществом (см. рис.2).

Рис.2. Общественное мнение в классической либеральной модели («качественная модель»)

Очевидно, что такая модель нуждалась в целом ряде допускающих условий, таких как:

относительная автономия публичной и частной сфер,
 концентрация всей полноты публичной власти в руках государства,
 развитие представительных институтов,
 сочетание «критических площадок», предполагающих *непосредственное общение* (салоны, клубы, кофейни) с *опосредованным* (через газеты и журналы),

хотя теоретически эти «площадки» были открыты для всех, на практике их осваивала лишь ограниченная часть населения (образованная, располагающая досугом и т.д.),

однако это обстоятельство не вызывало сомнений в репрезентативности «общественного мнения», поскольку остальные также рассматривались в качестве носителей «здравого смысла» и *потенциальных* участников дискуссий.

Важно подчеркнуть, что данная модель оказала несомненное влияние на формирование нормативных представлений о демократии и в этом смысле сыграла важную роль в социальном конструировании реальности, называемой Современным обществом. Насколько она соответствовала реальной практике – это другой вопрос.

Так или иначе, но структурная трансформация публичной сферы, обозначившаяся в конце XIX и завершившаяся во второй половине XX в., заставляет серьезно усомниться в адекватности данной модели, по крайней мере, применительно к новым условиям. Произошедшие перемены были обусловлены множеством разных факторов, в том числе:

расширением избирательного права и началом эры «массового общества», изменением социальной структуры, исчезновением конфигурации границ частной и публичной сферы, предполагаемой классической либеральной моделью, вследствие развития welfare state, появлением новых технологий массовых коммуникаций, и связанным с ними беспрецедентным расширением аудитории СМИ;

коммерциализацией СМИ и маргинализацией ряда др. институтов, служивших «средой обитания» «качественного» общественного мнения,

ценностными сдвиги в «постмодернистском» обществе и понижением значимости политики в рейтинге индивидуальных интересов и др.

Под влиянием этих и других факторов формируется то, что Ю.Хабермас называет «псевдопубличной сферой»: общество все больше раскалывается на «меньшинство специалистов, которые используют свои способности к суждению в непубличной сфере, и огромную массу потребителей, воспринимающих происходящее в публичной сфере абсолютно некритически»¹. На смену «читающей публике» приходит массовое «общество потребителей». Политический выбор опирается на вкусы и эмоции, а не на рефлексивные суждения. Общественное мнение

¹ Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere*. – Cambridge: Polity, 1989. – P. 175.

перестает быть инструментом критики и превращается в объект манипуляции; легитимация власти обретается через массовое распространение лояльности среди пассивных граждан. Возникает совсем иная модель общественного мнения, которую скорее можно назвать *«количественной»*: общественное мнение уже не формируется на основе *личного участия* разумных индивидов, сознающих собственные интересы, в публичных дебатах, но создается СМИ, политиками и партиями, определяющими «повестку дня», оно скорее является объектом манипуляции и предметом «измерения» посредством многочисленных опросов, нежели механизмом артикуляции интересов и источником критических оценок (см. рис. 3). Отсюда – и ностальгия по утраченному духу дискуссий, и сомнения в способности «количественного» общественного мнения служить опорой публичной политики, характерные для значительной части западного демократического дискурса.

Ситуация в постсоветской России кажется еще менее оптимистичной. За десятилетия советского режима традиции критической политической мысли оказались основательно разрушены. По словам польского социолога Е.Шацки, коммунисты «преуспели в создании порядка, исключая ясные политические альтернативы – порядка, порождающего разочарование и сопротивление, но не политическую мысль»². В этих обстоятельствах последствия медиатизации политики сказываются еще более резко, чем в «старых демократиях». К тому же резко сокращается круг тех, кто мог бы публично использовать свою «способность к суждению»: условия формирования и бытия политических партий не стимулируют их к артикуляции внятных политических альтернатив³, в результате происходящих реформ заметно снизился социальный статус интеллигенции – главного «производителя» критического политического дискурса.

² Szacki E. Liberalism after Communism. Budapest etc.: Central European University Press, 1995. – P. 64.

³ Подробнее об этом см.: Малинова О.Ю. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? // Полис. 2001. □ 5. С.97-106.

**Рис. 3. Общественное мнение
в «массовом обществе»
(«количественная модель»)**

Какими видятся последствия этих изменений? В западной литературе высказываются различные точки зрения на сей счет. «Пессимисты» полагают, что произошедшие перемены фатальны, «качественное» общественное мнение навсегда ушло в прошлое, и «массовое» общество обречено быть объектом манипуляции, что делает неизбежным пересмотр прежних нормативных представлений о демократии. «Оптимисты» ищут пути к возрождению публичной сферы на новой институциональной основе, пытаясь критиковать опыт наличных демократий, дабы стимулировать их развитие (теория коммуникативного действия Ю.Хабермаса, концепции делиберативной демократии и др.). Наконец, некоторые авторы (Дж.Б.Томпсон, С.Холл, Дж.Саймонс и др.) предлагают отказаться от категорических оценок и увидеть «критический потенциал», заключенный в общественном мнении даже в его нынешнем «количественном» состоянии. Они указывают, что пассивность людей и возможности манипуляции общественным мнением сильно преувеличены, ибо процессы восприятия образов и посланий предполагают момент интерпретации и к тому же происходят в перенасыщенной информационной среде, которую трудно контролировать. Однако и эти авторы согласны с тем, что приговор «качественному» общественному мнению является окончательным, с медиатизацией политики формирование мнений посредством личного участия осталось в прошлом. А это меняет природу публичности и способы участия в публичной жизни. Благодаря телевидению, Интернету

и др. техническим средствам мы можем «переживать» более широкий спектр событий. Кроме того, заметно расширяется круг участников коммуникации. С одной стороны, это создает невиданные прежде возможности для манипуляции общественным мнением. Однако с другой стороны, мы можем потреблять информацию вполне творчески, и тем, кто обладает властью, труднее контролировать процесс ее восприятия и интерпретации широкой аудиторией, рассеянной во времени и пространстве. Наконец, с третьей стороны, «публика» расплывается, распадаясь на множество «атомов», что резко снижает возможности для коллективного действия.

Означает ли это, что «качественное» общественное мнение невозможно? Действительно ли функция целеполагания обречена быть уделом профессиональных политиков, а критическая оценка с неизбежностью будет подменяется манипуляцией мнениями? На вероятность именно такого развития указывает множество тенденций. Вместе с тем, столь безудержный пессимизм, на наш взгляд, отчасти провоцируется особенностями той «оптики», которую навязывает нам наш теоретический инструментарий. Возможно, не следует абсолютизировать ни «качественную», ни «количественную» модель. Современное «общественное мнение» действительно формируется в пространствах множества фрагментированных дискурсов и не является механизмом целеполагания и критической оценки *автоматически*. Однако это не значит, что общественное мнение вообще *не может* выполнять этих функций. Возможно, путь к преодолению фрагментации — налаживание «мостов» между разрозненными коммуникативными площадками, на которых реально происходят общественно-политические дискуссии. И, с учетом описанной выше ситуации постсоветского общества, равно как и более давних особенностей российской политической культуры, осуществление этой задачи требует вполне осознанных и целенаправленных усилий со стороны организаций, претендующих на роль центров публичной политики.